

Глубина нравственной проблематики романа М.Ю. Лермонтова «Герой нашего времени»

Г.Н. Немцева

Автор: Немцева Галина Николаевна, учитель русского языка и литературы Православной гимназии г. Владивостока.

Предмет: Литература.

Класс: 10.

Тема: Образ Печорина в романе М.Ю. Лермонтова «Герой нашего времени».

Профиль: Гуманитарный.

Уровень: Общий.

Текст задачи. И. Виноградов писал о романе М.Ю. Лермонтова: «Здесь решается вопрос о том, предопределено ли высшей божественной волей назначение человека и нравственные законы его жизни или человек сам, своим свободным разумом, свободной своей волей определяет их и следует им».

Проследите, по каким этапам раскрывается в романе душа Печорина, и ответьте на вопрос: «Какие

христианские заповеди нарушил Печорин, герой романа М.Ю. Лермонтова «Герой нашего времени»?

а) Выделите ключевые слова для информационного поиска.

б) Найдите и соберите необходимую информацию.

в) Обсудите и проанализируйте собранную информацию.

г) Сделайте выводы.

д) Сравните ваши выводы с выводами известных людей.

Возможные информационные источники

Книги:

«Герой нашего времени». Сочинение М. Лермонтова (1840).

Букварь. Наука. Философия. Религия.

Лермонтов М.Ю. Герой нашего времени (любого года издания).

Лермонтовская энциклопедия
Долинина Н. Печорин и наше время.

Герштейн Э. Роман «Герой нашего времени» М.Ю. Лермонтова.

Мануйлов В. Роман М.Ю. Лермонтова «Герой нашего времени». Комментарий.

Удодов Б. Роман Лермонтова «Герой нашего времени».

Компакт-диски:

Православие и русская литература. Роман-пророчество. М.Ю. Лермонтов «Герой нашего времени». DVD — video

Web-сайты:

www.dorogadomoj.com/d645nra.html

palomnic.org/bibl_lit/bibl/duna-ev/6/

<http://feb-web.ru/feb/lermont/critics/bel/bel-028-.htm> — Белинс-

кий В.Г. «Герой нашего времени». Сочинение М. Лермонтова (1840)

http://russianway.rchgi.spb.ru/Lermontov/06_shevy.pdf — Шевырев С.П. «Герой нашего времени». Соч. М. Лермонтова.

<http://www.lermontov.org.ru/lib/sb/book/56/page/0>

<http://lermontov.niv.ru/lermontov/text/geroj-nashego-vremeni/bela.htm>

http://az.lib.ru/g/galahow_a_d/text_0030.shtml Галахов Алексей Дмитриевич Лермонтов, III.

http://www.netschools.ru/sch518/koridor/rus_lit/lermon2/index7.html

Культурный образец

Дунаев М.М. Вера в горниле сомнений. Гл. V. Михаил Юрьевич Лермонтов. Русский гуманитарный интернет-университет, 2003.

Роман «Герой нашего времени» — первый в русской литературе психологический роман, один из совершенных образцов этого жанра.

Психологический анализ характера главного героя осуществляется в сложном композиционном построении романа, архитектура которого причудлива нарушением хронологической последовательности основных его частей. И пусть это стало уже общим местом всех критических разборов «Героя нашего времени», мы вновь обратимся к осмыслению композиции произведения как одной из важнейших его художественных особенностей.

Роман состоит из пяти повестей. Вслед за общим предисловием идёт «Бэла», затем «Максим Максимыч», следующие же три повести, «Та-

мань», «Княжна Мери» и «Фаталист» образуют единый «Журнал Печорина», которому предпослано также особое предисловие.

Истинная хронология событий иная. Молодой офицер Печорин после некоей случившейся в его судьбе истории, разрушившей честолюбивые замыслы героя (ничего более подробного мы о том не узнаём), следует к месту нового назначения, остановившись на пути в небольшом и «скверном» городишке Тамани (повесть «Тамань»). Затем на Кавказе он участвует в военных действиях и знакомится с юнкером Грушницким, с которым встречается уже на Водах, где он живёт сначала в Пятигорске, а позже в Кисловодске («Княжна Мери»).

После убийства Грушницкого на дуэли Печорин отправлен начальством в крепость под начало штабс-капитана Максима Максимыча («Бэла»). Во время двухнедельной отлучки в казачью станицу случается история, описанная в повести «Фаталист». Не вполне ясна последовательность событий двух этих повестей. Скорее, пари с Вуличем, описанное в «Фаталисте», произошло ранее истории похищения Бэлы — и это имеет принципиально важное значение. Вскоре после гибели Бэлы Печорин переведён на новое место, после чего выходит в отставку. Через пять лет Печорин отправляется в Персию и во Владикавказе мимоходом встречается вновь с давним сослуживцем («Максим Максимыч»). Из Персии ему не суждено было вернуться: на обратном пути он умирает (о чём сообщается в предисловии к «Журналу Печорина»).

Повествование ведётся от имени трёх рассказчиков: некоего стран-

ствующего офицера (которого не следует путать с самим автором), штабс-капитана Максима Максимыча и, наконец, самого центрального героя, молодого прапорщика Григория Александровича Печорина. Зачем понадобились автору разные рассказчики? Чтобы осветить события и характер центрального героя с разных точек зрения, т. е. как можно полнее. У Лермонтова не просто три рассказчика, но три различных типа рассказчика — вот что важно. Какие это типы? Их и всего-то три встречается: сторонний наблюдатель происходящего, во-первых, второстепенный персонаж, участник событий, во-вторых, и, наконец, сам главный герой. Над всеми тремя главенствует создатель всего произведения, Автор, разгадать личность которого, основываясь на разборе его творения, занятием самое увлекательное.

Со всеми тремя мы сталкиваемся в романе. Но тут не просто три точки зрения. Это три уровня постижения характера, психологического раскрытия натуры «героя времени», три меры постижения сложного внутреннего мира незаурядной индивидуальности. Присутствие трёх типов рассказчика, их расположение в ходе повествования тесно увязывается с общей композицией романа, определяет и хронологическую перестановку событий, одновременно находясь в сложной зависимости от такой перестановки.

Начинает рассказ о Печорине Максим Максимыч, человек нам безусловно симпатичный, добрый, но простоватый (чтобы не сказать: недалёкий). Он много наблюдал Печорина, но разобраться в его характере решительно не в состоянии: Печорин

для него *странен*, о чём он просто-душно заявляет в самом начале своего рассказа.

Эти странности в характере молодого офицера не могут не заинтересовать читателя. Из рассказа Максима Максимыча вынесет он впечатление о главном герое как о человеке чёрством, даже жестоком. Ради прихоти своей Печорин разрушает судьбу, делает несчастливыми нескольких человек. А когда уже после похорон Бэлы Максим Максимыч, отчасти соблюдая банальный ритуал, начинает высказывать Печорину слова сочувствия, тот лишь смеётся в ответ. «У меня мороз пробежал по коже от этого смеха», — признаётся штабс-капитан. И впрямь странность какая-то.

Но в чём разгадка такой странности? — Максим Максимыч не может нам в наших сомнениях помочь.

Далее рассказ переходит к безымянному странствующему офицеру. Он далеко превосходит штабс-капитана в наблюдательности.

Введение в ткань романа второго рассказчика меняет фокус изображения. Если Максим Максимыч рассматривает события как бы в перевёрнутый бинокль, так что всё в поле его зрения, но всё слишком общо, то офицер-рассказчик приближает изображение, переводит его с общего плана на более крупный. Однако у него как у рассказчика есть важный недостаток в сравнении со штабс-капитаном: он слишком мало знает, довольствуясь лишь мимоходными наблюдениями.

Вторая повесть поэтому в основном подтверждает впечатление, вынесенное после знакомства с началом романа: Печорин слишком

равнодушен к людям, иначе своей холодностью не оскорбил бы Максима Максимыча, столь преданного дружбе с ним. Да и поистине странный он какой-то, и странность эта явно проступает во всём облике его, противоречивом даже для постороннего.

Вторая повесть способна лишь раздражить воображение читателя: что же истинного в Печорине — злой ли нрав (к чему так легко склониться как будто), или глубокая постоянная грусть? Ко второму ответу подталкивает некоторое сомнение. Но сам рассказчик слишком немного даёт оснований, чтобы окончательно принять ту или иную версию.

И только после этого, возбудив пытливый интерес к необычному характеру, заставив читателя, отыскивающего ответ, быть внимательным ко всякой подробности дальнейшего рассказа, автор меняет повествователя, давая слово самому центральному персонажу. Как рассказчик он имеет несомненные преимущества перед двумя своими предшественниками, ибо не просто знает о себе более других (что естественно), но и способен осмыслить свои поступки, побуждения, эмоции, тончайшие движения души — как редко кто умеет. Трудно даже сразу понять, чем он более озабочен: действием или размышлением над смыслом действия. В нём одном — идеальное совмещение и героя, и тонкого наблюдательного рассказчика.

Печорин наводит на свою душу увеличительное стекло, и она предстаёт перед всеми без прикрас, без попытки рассказчика что-то утаить, сгладить, дать в более выгодном свете, ибо он исповедуется самому се-

бе, зная, что самого себя обмануть нечего и пытаться: для этого его ум слишком пронизателен.

«История души человеческой, хотя бы самой мелкой души, едва ли не любопытнее и не полезнее истории целого народа, особенно когда она — следствие наблюдений ума зрелого над самим собою и когда она писана без тщеславного желания возбудить участие или удивление», — предваряет рассказчик наше знакомство с записками Печорина, которые он решился опубликовать, — и тем указывает нашему и без того обострённому вниманию: по какому пути следует устремиться.

Однако первая часть Журнала Печорина отнюдь не рассеивает нашего недоумения, а лишь усугубляет его. Не найм мы чего-то сначала, не восприняли бы в полноте и парадокса: натура Печорина являет себя перед нами в резком контрасте тому, что мы уже знаем о нём. Важно также, что переход от второй повести к третьей сопряжён не только со сменой рассказчика, но и с резким хронологическим сдвигом: из самого завершения истории героя мы переносимся в её начало. И видим вдруг, что перед нами не застывший романтический характер, но индивидуальность в её развитии. И оказывается, что не был Печорин прежде столь ленив душою и телом, как в конце, — напротив, он подвижен, любопытен, полон внутренней энергии.

Третья повесть ещё больше озадачивает читателя, не просто следящего за сменой событий, но озабоченного разгадыванием внутреннего развития человеческой индивидуальности. Когда бы повесть «Тамань» стояла в начале романа, как ей и по-

ложено по временной последовательности, она не смогла бы возбудить в читателе никаких вопросов, но лишь породила бы поверхностное впечатление: какие только диковинные случаи не приключаются порой на этом свете!

Лишь только после того, как восприятие наше предельно обострено, начинается самораскрытие характера главного героя романа, *героя* столь давнего уже для нас времени. Печорин постоянно рефлексировал, занят постоянно самокопанием, самоедством — его беспокоят внутренние противоречия собственных стремлений и поступков. И равнодушный читатель сможет разглядеть, что и его собственное время может стать для него отчасти ближе и понятнее, когда он без лености душевной осмыслит жизненный итог этого никогда не существовавшего персонажа, рождённого вымыслом художника. Никогда не существовавшего в реальности, но вот уже полтора века существующего в умах и воображении всякого образованного русского человека.

Знакомясь с записками Печорина, мы получаем возможность судить его непредвзято и бесстрастно. Именно судить, осуждать, поскольку суждение и осуждение направляется здесь не против человека (его нет, он лишь бесплотный вымысел), но против того греховного состояния души, какое отпечатлено Лермонтовым в образе Печорина.

Печорин проницателен и видит порой человека насквозь. Добиваясь власти над душой княжны Мери, Печорин на несколько ходов вперёд предугадывает развитие событий. И даже недоволен этим: всё становится-

ся скучным. «Я всё это знаю наизусть — вот что скучно!»

Он же точно рассчитывает поведение Грушницкого на дуэли, складывая по своей воле обстоятельства так, что, по сути, лишает противника права на прицельный выстрел, и тем ставя себя в более выгодное положение, обеспечивая собственную безопасность и одновременно возможность распорядиться жизнью бывшего приятеля по собственному произволению.

Подобные примеры можно множить. Печорин незримо руководит действиями и поступками окружающих, навязывая им свою волю и тем упиваясь.

Он весь переполнен гордыней, сознавая в самоупоении собственное превосходство над окружающими: он же умный человек и не может такого превосходства не сознавать. Но гордыне всегда сопутствует тайная мука, утишить которую можно лишь противоречая всем и всему, противоречая ради самой возможности опровергать, выказывая тем себя, независимо от того, стоит за тобою правда или заблуждение. Само стремление романтической природы к борьбе есть следствие такого комплекса, обратной стороны всякой гордыни. Гордыня и комплекс неполноценности неразлучны, они борются между собой в душе человека порою незримо, составляя его муку, его терзания и постоянно требуя себе в качестве пищи борьбу с кем-то, противоречие кому-то, власть над кем-то.

«Быть для кого-нибудь причиной страданий и радостей, не имея на то никакого положительного права, — не самая ли это сладкая пища нашей гордости?»

Для того чтобы перед самим собой так безжалостно обнажать свои пороки, как это делает Печорин, — нужно мужество, и особого рода. Человек чаще стремится скрыть от самого себя нечто мучительное в своей натуре, в жизни, — даже убежать от действительности в мир опьяняющей и глушащей сознание грёзы, выдумки, приятного самообмана. Трезвая самооценка — часто дополнительная причина внутренней депрессии, терзаний. Печорин становится поистине *героем своего времени*, ибо не прячется от настоящего ни в прошлом, ни в мечтах о будущем, он становится исключением из правила, персонализированным Грушницким, этим напыщенным обманщиком самого себя.

Печорин — герой. Но героизм его — душевный, не духовный по природе своей. Печорин — эмоционально мужественный человек, но он не в состоянии раскрыть в себе самом своего истинного *внутреннего человека* (Еф. 3, 16). Упиваясь своей силой или терзаясь внутренними муками, он вовсе не смиряет себя даже тогда, когда видит в себе явные слабости, явные падения, наоборот: он постоянно склонен к самооправданию, которое соединяется в душе его с тяжким отчаянием.

Печорин готов переложить вину на «дурное общество», но своего безбожия сознать отнюдь не стремится. Незнание Бога влечёт в направлении вполне определённом.

«Не уступай врагу, брат, и не предавайся отчаянию, ибо это великая радость диаволу», — учил авва Дорофей.

«Согрешать — дело человеческое, отчаиваться — сатанинское», —

предупредил преподобный Нил Синайский.

Святитель Филарет Московский разъяснял: «Отчаиваться значит самому у себя отнимать милость Божию, которую Господь каждую минуту готов подать».

Подобными рассуждениями избилуют труды Святых Отцов. Печорин вряд ли гадался о том.

В нём нет смирения, оттого он не сознаёт в слабости своей природы глубоко укоренённую греховность. Можно сказать, что Печорин искренен в своём нераскаянии: он простодушно не различает многие свои грехи. Он трезво сознаёт собственные пороки, но не сознаёт в них греха.

«Погубляет человека не количество, не множество грехов, но нераскаянное и ожесточённое сердце», — эти слова святителя Тихона Задонского можно бы поставить эпиграфом ко всему роману. Да ведь и само псевдообразованное русское общество святителя Тихона признавать не желало, высокомерно считая всё исконно православное устаревшим и не отвечающим потребностям *просвещённого ума*.

Если проследить поведение и размышления Печорина, то он останется чист разве только против девятой заповеди: лжесвидетельством своей души он не пятнает; хотя, должно признать, порой Печорин иезуитски изворотлив и, не произнося лжи несомненной, ведёт себя, без сомнения, лживо. Это заметно в его отношениях и с Грушницким, и с княжной: нигде ни разу не говоря и слова о своей любви (какой и нет во все), он не препятствует ей увериться в том, что всеми его действиями и словами движет именно сердечная

склонность. Совесть его вроде бы чиста.

О первых четырёх заповедях, объединённых общим понятием любви человека к Создателю, говорить по отношению к Печорину вроде бы бессмысленно. Однако нельзя его назвать человеком вполне чуждым религиозному переживанию, хотя бы в прошлом. Слабые отблески отошедшей от него веры заметны в некоторых второстепенных деталях.

О почитании Печориным родителей (пятая заповедь) в романе умалчивается, но не красноречива ли сама фигура умолчания?

Заповедь «не убий» Печорин нарушил, выйдя на дуэль с Грушницким, притом он заведомо поставил противника (хоть тот и не догадывался) в ситуацию, которая для самого Печорина оказалась относительно безопасна (убить безоружного, не запятив чести, нельзя), он же, выдержав выстрел, формально имел несомненное право распорядиться жизнью стрелявшего в него человека — всё было рассчитано заранее с иезуитской точностью.

Седьмую заповедь (о прелюбодеянии) Печорин нарушает многократно, вовсе не задумываясь о том.

Восьмая заповедь («не укради») нарушается вопиюще, ибо выкрадывается не вещь, но человек (княжна Бэла), да и к похищению Карагёза Печорин причастен непосредственно.

В зависти (десятая заповедь) он признаётся себе сам, хотя и без раскаяния.

Весь этот перечень необходим вовсе не обличения ради. Важно осознать: Печорин как бы исповедуется перед самим собою, но исповедь эта

остаётся безблагодатной. И не только потому, что нецерковна. У него и наедине с собою, со своей собственной совестью — заслан взор. Он не различает откровенной греховности. Почему?

Важнейшим смысловым узлом всего романа должно признать следующее рассуждение Печорина: «Я чувствую в себе эту ненасытную жадность, поглощающую всё, что встречается на пути; я смотрю на страдания и радости других только в отношении к себе, как на пищу, поддерживающую мои душевные силы. Сам я больше не способен безумствовать под влиянием страсти; честолюбие у меня подавлено обстоятельствами, но оно проявилось в другом виде, ибо честолюбие есть не что иное, как жажда власти, а первое моё удовольствие — подчинять моей воле всё, что меня окружает; возбуждать к себе чувство любви, преданности и страха — не есть ли первый признак и величайшее торжество власти? Быть для кого-нибудь причиною страданий и радостей, не имея на то никакого положительного права, — не самая ли это сладкая пища нашей гордости? А что такое счастье? Насыщенная гордость».

Печорин рассуждает о честолюбии, но так изъясняется обыденное сознание. На языке святоотеческом то обозначено точнее: перед нами грех *любоначалия, властолюбия*. Откровенный, ничем не прикрытый. Гордыня слишком мощная. Можно ли более очевидно, нежели это сделал Печорин, возносить «бесовскую молитву»: да будет воля моя! Он *этим живёт, это движет* всеми его действиями. Конечно, Печорин мелочен в своих побуждениях и дейст-

виях, но бесовское начало не перестанет оттого быть менее губительным, лукавым и мрачным, менее бесовским по природе своей. Да ведь в исходе — смерть и страдания человеческие, как ни презирай он Грушницкого и ни пожимай равнодушно плечами перед слезами княжны. Пусть тут частный случай, да ещё в мелочном проявлении, однако в нём как в капле отражён общий бесчеловечный закон сатанинского разрушающего начала.

Лермонтов, хотел он того или нет, показал закономерный итог, к которому вынужденно приходит человек эвдемонического типа культуры — кто раньше, кто позднее. Раньше приходят именно *герои*. Ведь в изначальном своём стремлении к счастью человек начинает осмыслять его в категориях чувственного удовольствия. Такое понимание находим мы и в русской культуре XVIII столетия, в этот период русского Ренессанса (при всей его специфике, о чём шла речь во второй главе этой книги). С гедонистического понимания счастья начинается и Печорин, в чём он весьма зауряден: и по начальному намерению и по неизбежному итогу: «В первой моей молодости, с той минуты, когда я вышел из опеки родных, я стал наслаждаться бешено всеми удовольствиями, которые можно достать за деньги, и, разумеется, удовольствия эти мне опротивели. <...> Тогда мне стало скучно».

О неизбежности пресыщения, об опасном развитии гедонизма цинично рассуждал ещё маркиз де Сад, предупреждая о конечном следствии стремления к удовольствиям: «Никакого ужаса, это самая обычная вещь на свете: когда вам надоедает одно

удовольствие, вас тянет к другому, и предела этому нет. Вам делается скучно от банальных вещей, вам хочется чего-нибудь необычного, и в конечном счёте последним прибежищем сладострастия является преступление».

Печорин и завершает всё преступлением, становясь своего рода нравственным садистом, находящим особое удовольствие от созерцания душевных мучений тех, кто вверял ему свою душу (прежде всего женщин, любви которых он добивался).

«... Я любил для себя, для собственного удовольствия; я только удовлетворял странную потребность сердца, с жадностью поглощая их чувства, их нежность, их радости и страдания — и никогда не мог насытиться». И каков итог? — «... остаётся удвоенный голод и отчаяние!».

Всё то же отчаяние, услада дьявола.

Именно пресыщение чувственными удовольствиями рождает в нём иное понимание счастья, откровенно сатанинское по природе своей: «А что такое счастье? Насыщенная гордость».

Христианство учит несомненно: именно гордыня есть основа того зла, в котором пребывает мир. Гордыня дьявольская, и гордыня человеческая. И она слишком откровенно превозносится Печориным как высшая и самодовлеющая ценность человеческого бытия. Он творит себе из неё кумира и подчиняется ей безусловно. Печорин всё осмысляет и оценивает в категориях первенствования, господства, желания получить, а не отдать. Он во всём ищет своего: в любых взаимоотношениях с ближними.

Однако счастья это не даёт. Недаром же преподобный Ефрем Сирий в своей величественной молитве ставит рядом два безблагодатных состояния: дух уныния и дух любобачалия. Печорин пребывает в духе уныния — несомненно. Он познаёт высшую степень уныния — отчаяние и тоску.

Созидание фальшивых кумиров, установление неверных целей может лишь обесмыслить жизнь, что и ощущает в конце концов Печорин — с неизбежностью.

Печорин — «лишний человек». Пусть сей предмет и кажется кому-то скучноватым, но и банальная истина — всё же истина, и не годится её совершенно пренебрегать. Знаменитый внутренний монолог Печорина в ночь перед дуэлью большинство хорошо помнят. Печорин в этом монологе указывает важную причину всех своих бед:

«Моя любовь никому не принесла счастья, потому что я ничем не жертвовал для тех, кого любил: я любил для себя, для собственного удовольствия...»

Вспомним ещё раз: *любовь не ищет своего*. Человек произносит слово, но оно не наполняется для него истинным смыслом — он не знает любви. При том любовь-страсть ему хорошо знакома.

Печорин не знает истинной любви. Но:

«Кто не любит, тот не познал Бога, потому что Бог есть любовь» (1 Ин. 4, 8).

Для Печорина закрыта возможность богопознания.

Печорин изгнал Бога из своей души, обуянной гордынею, а взамен получил лишь пустоту отчаяния. Мы

видим здесь более глубокое осмысление проблемы, поставленной Пушкиным, нежели то возможно было при анализе судьбы Онегина: там мы могли строить лишь логические догадки, здесь — всё сказано вполне определённо.

Вот так и входит в человека ощущение неполноценности: он оказывается одиноким, ему не на что опереться в самом себе. Поэтому его внутреннее страдание может родить только зло:

«Зло порождает зло; первое страдание даёт понятие об удовольствии мучить другого».

Этот нравственный садизм есть явный результат отсутствия Бога в душе: в душе, полной любви, собственное страдание рождает возможность со-страдания к ближнему, и только это. Там, где поселается бес — «зло порождает зло».

Как и всякий человек, смутно сознающий свою вину во всех собственных (и не только собственных) бедах и стремящийся оправдаться хотя бы перед собой, и прежде всего перед собой, своей совестью, Печорин старается отыскать для себя какие-то смягчающие обстоятельства, если не полное избавление от всех обвинений и укоров совести. Это не может не подтолкнуть его к размышлениям о *судьбе* как о внешней силе, определяющей его поступки и снимающей с него хоть какую-то долю вины. В записках Печорина заметна явная склонность к отысканию возможности самооправдания, попытка возложить вину на *судьбу*.

Фатализм мог иметь для него вполне определённые последствия, что и случилось. Прежде всего, существование непреложной судьбы сни-

мает с человека всякую ответственность — а Печорин к тому весьма склонен. Но фатализм порождает и безволие, бездействие, безысходность. И действительно, чего ради суетиться и чего-то желать, когда всё определяет посторонняя воля, безликая ли судьба, всемогущий ли Бог? А это и крах всех честолюбивых притязаний: нечего тешить себя иллюзией, мнить себя творцом развивающейся драмы. Судьба заставляет лишь участвовать в пошлой мещанской истории. И ты сам становишься лишь послушной марионеткой в руках неведомого кукловода. И каков же смысл в той страстной мольбе: да будет воля моя?

Поэтому спор, что разгорелся между персонажами повести «Фаталист» относительно предопределения, для всех участников объясняется обычным любопытством, но в душе Печорина он обретал значение величайшей важности. И склонность к признанию всевластного фатума побеждает. «Фаталист» недаром завершает роман: в ней подводятся итог, разъясняющий окончательно все загадки характера героя.

Только в самом конце становится понятен тот жестокий смех, каким ответил герой на утешения Максима Максимыча: то был смех холодного отчаяния.

Нам же должно осмыслить это роковое заблуждение безблагодатного восприятия бытия.

Печорин, предавшись соблазну фатализма, отрекается от собственной виновности во всём происшедшем и проникается иллюзией бессилия воли вообще. Грех двойной. Абсолютизация человеческой воли («да будет воля моя») ни к чему иному и

привести не может, как только к разочарованию в каких бы то ни было возможностях этой воли.

Фатализму христианин может противопоставить единственно — подлинное понимание действия Промысла Божия в земном бытии. Промысла, который всегда направлен на создание наилучших условий для человека в деле его спасения, но который всегда же требует от спасаемого непрямого напряжения собственной воли в устройении своей судьбы. Однако для такого понимания требуется подвиг веры. Вот чего недостаёт всякому «лишнему человеку».

Состояние души Печорина может вообще стать показательной иллюстрацией ко многим рассуждениям Святых Отцов о гибельности для человека страстей, уныния, самомнения, мечтательности и т.д. Лермонтов почерпнул подтверждение святоотеческой мысли в современной ему жизни, хотя, без сомнения, непосредственно такой цели перед собою не ставил, ибо, можно предположить, вряд ли был знаком с учением Святых Отцов.

И важно, что сам Лермонтов, как и его герой, мучительно переживал своё одиночество, парадоксально ощущая в том единство с современниками, со всем поколением своим — в грехе.

Связь со временем человек не может не ощущать. И зависит от него, сколько бы ни противился неоспоримой власти времени, сколько бы ни отрицал её. Человек не может своей волей противостоять власти внешних обстоятельств, в ряду которых пребывает и время. Только призвание на помощь Божией воли способно одо-

леть эту власть. Религиозно аморфное поколение, к какому принадлежал и Лермонтов, могло лишь безвольно следовать за мерным течением времени — и утолять потребность в единстве, данную нам Творцом, в одном лишь ложном, навязанном лукавыми силами сознания общей бесцельности бытия. Впрочем, не все и сознавали это. Сознать — значило сделать первый шаг на долгом пути изживания безблагодатного состояния. Этот подвиг взял на себя Лермонтов, может быть, не имея даже и смутного представления о конечной цели. Нельзя упускать из виду, что такое сознание может обречь слабые души на ещё большее уныние, тоску. Печорин многих заразил своей тоской. Но всё же «болезнь времени» нужно было обнаружить, даже не зная средств к исцелению.

Чтобы избыть грех, следует для начала его сознать.

Внося противоречивые стремления в душу, искусство может обречь её на долгую внутреннюю борьбу. Полярные противоречия, заложенные в лермонтовские создания, не могут не вызвать сильнейшего разряда очищающего либо губительного. Эти противоречия отражают душевное состояние самого поэта.

Тяжёлая внутренняя борьба стала содержанием всей недолгой жизни Лермонтова. Она усугубилась особенно в последний период.

Вероятнее всего, душа Лермонтова пребывала накануне духовного перерождения. По учению Святых Отцов, такое состояние опасно: бесовские силы тогда становятся особенно активны. Сама дуэль с Мартыновым стала несомненным следствием такой активности, кото-

рой Лермонтов не смог противостоять. Без сомнения, то было духовное поражение самого поэта, а вовсе не результат происков неких реакционных сил, как заблуждаются иные почитатели Лермонтова. Он бросил вызов судьбе, в последний раз захотел утвердить: да будет воля моя. Как и главный герой его. Оставим в стороне вопрос, насколько индивидуальность Печорина совпадает с авторской, — в той или иной степени подобные совпадения неизбежны. Печорин завершил свой путь духовной гибелью.

«Конец Лермонтова и им самим и нами называется *гибелью*, — писал, осмысляя итог лермонтовского пути, Вл. Соловьёв. — <...> ...Мы знаем, что как высока была степень прирождённой гениальности Лермонтова, так же низка была его степень нравственного усовершенствования. Лермонтов ушёл с бременем неисполненного долга — развить тот задаток великолепный и божественный, который он получил даром».

Вл. Соловьёв сумел точно осмыслить долженствование нашего восприятия литературного творчества великого русского поэта — так что даже тёмные его стороны могут послужить ко благу в трудном делании нашего собственного духовного развития:

«...У Лермонтова с бременем неисполненного призвания связано ещё другое тяжкое бремя, облегчить которое мы можем и должны. Облегкая в красоту формы ложные мысли и чувства, он делал и делает ещё их привлекательными для неопытных, и если хоть один из малых сих вовлечён им на ложный путь, то сознание этого, теперь уже невольного и ясно-

го для него, греха должно тяжёлым камнем лежать на душе его. Обличая ложь воспетого им демонизма, только останавливающего людей на пути к их истинной сверхчеловеческой цели, мы во всяком случае подрываем эту ложь и уменьшаем хоть сколько-нибудь тяжесть, лежащую на этой великой душе».

Методический комментарий

Эту задачу можно отнести к общему уровню. Учащиеся при сборе материала будут обращаться не только к тексту художественной литературы, но также к Евангелию, к монографическим исследованиям различных учёных-филологов, к критике.

Их работа предполагает не только сбор и анализ большого количества информации самого разного плана, но и формулирование выводов по нравственным категориям, имеющим большое воспитательное значение для формирования личности человека.

Для решения данной задачи учащиеся должны через композиционное строение романа М.Ю. Лермонтова «Герой нашего времени», анализ своеобразия жанра и композиции, системы рассказчиков и авторского предисловия постичь характер главного героя романа, психологическое раскрытие натуры «героя времени», различные меры постижения сложного внутреннего мира незаурядной индивидуальности.

ИГРА И ДЕТИ

Периодичность – 8 номеров в год, 40 стр.

Сентябрь, октябрь, ноябрь, декабрь, февраль, март, апрель, май.

Журнал предлагает апробированные материалы, помогающие объединить работу сотрудников дошкольных образовательных учреждений, начальных школ и усилия родителей, имеющих детей в возрасте от 1 года до 10 лет.

Содержит научно-популярные и методические материалы, консультации специалистов, опыт семейного воспитания, описания творческих и дидактических игр, игровых занятий, сценарии праздников, конкурсов и других мероприятий.

Все материалы готовы к практическому использованию для коллективной и индивидуальной работы с детьми.

Подписные индексы:

в каталоге Агентства «Роспечать»: **80660** (полугодовой), **81606** (годовой)

Адрес: 125009, Москва, Газетный пер, д. 1/12, стр. 6, тел./факс: **(495) 202-86-33**.

E-mail: igra@i-deti.ru, www.i-deti.ru